

Советский человек и «Дракон»

Автор статьи: Григорий Случ

Ред. правка Е.Н. Кулешовой

Много лет назад в рамках Молодежного педагогического цикла в Штутгарте философ Рудольф Штейнер (1861 – 1925) выступал со своей заключительной лекцией перед молодежью, интересующейся духовной жизнью. Он говорил о том, что главная задача настоящего времени – создание условий для того, чтобы духовная сила, дающая человеку возможность понимать мысли Бога, называемая в христианстве Архангелом Михаилом, смогла действовать в современной культуре. Это, по мнению Р. Штейнера, необходимо потому, что зло способно принимать такие различные формы, что традиционная религия и материалистически ориентированная наука могут принять это зло за добро и обманывать других людей. Р. Штейнер обозначил данное явление термином **«дракон»**.

Эти мысли были высказаны в конце пятого года существования Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). Уже существовал Красный террор (20 декабря 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем). И уже звучали слова В.И. Ленина об уничтожении буржуазии и помещиков как класса, и слова Л.Д. Троцкого об установлении всемирной диктатуры пролетариата. Во главе великого государства находились люди, одержимые неосуществимой идеей. Как получилось так, что им, провозглашавшим путь к всемирному счастью через горы трупов, долгих семьдесят четыре года принадлежала власть? Им, забывшим слова Иисуса Христа: *«Не судите, да не судимы будете; Ибо каким судом судите таким и сами будете судимы; и какой мерой мерите, такой и вам отмерено будет»* (Евангелие от Матфея, Глава 7, Стих 1 – 2)?

Причину этому русский писатель и общественный деятель Владимир Галактионович Короленко (1853 – 1921) увидел в том, что русский народ на

протяжении столетий привык жить, примиряясь с ложью о себе. Эта ложь до революции определяла русских крестьян и рабочих сословием *глупых людей*, которые могут жить только под руководством помещиков и царя. После революции большевики заменили эту ложь на другую, провозглашавшую, что в проблемах русских рабочих и крестьян виноваты буржуазия, предприниматели. Привыкшие к одной лжи, в которой, кстати, была и доля правды, русские люди легко приняли ложь большевиков, полагая, что в ней также есть доля правды.

В. Г. Короленко так описывал этот феномен в письме народному комиссару (министру) просвещения (образования) РСФСР А.В. Луначарскому 4 августа 1920 г.:

Над Россией ход исторических судеб совершил почти волшебную и очень злую шутку. В миллионах русских голов в каких-нибудь два-три года повернулся внезапно какой-то логический винтик, и от слепого преклонения перед самодержавием, от полного равнодушия к политике наш народ сразу перешел... к коммунизму, по крайней мере к коммунистическому правительству. Нравы остались прежние, уклад жизни тот же. Уровень просвещения за время войны сильно подняться не мог, однако выводы стали радикально противоположные. От диктатуры дворянства («совет объединенного дворянства»), мы перешли к «диктатуре пролетариата». Вы партия большевиков провозгласили ее и народ прямо от самодержавия пришел к вам и сказал: «Устраиваете нашу жизнь».

Народ поверил, что вы можете это сделать. Вы не отказались. Вам это казалось легко и Вы непосредственно после политического переворота начали социальную революцию. Известный Вам английский историк Карлейль¹ говорил, что правительства чаще всего гибнут от лжи. ...

Я ставлю вопрос: все ли правда в Вашем строе? Нет ли следов такой же лжи в том, что вы успели теперь внушить народу?

¹ Карлейль Томас (1795 – 1881) – британский писатель, историк и публицист

По моему глубокому убеждению, такая ложь есть, и даже странным образом она носит такой же широкий, «классовый» характер. Вы внушили восставшему и возбужденному народу, что так называемая буржуазия («буржуй») представляет только класс тунеядцев, грабителей, стригущих купоны, и – ничего больше².

Таким образом, мы видим в действиях советской власти первый признак становления «дракона» – способность подменить одну ложь другой, которая только внешне кажется другой, а на самом деле покоится на том же классовом фундаменте, имеет одну и ту же философскую основу.

Советский «дракон» стал самостоятельной сущностью уже в июле 1918 года, когда большевики подавили мятеж партии левых эсеров, выгнали последних из всех государственных органов РСФСР и репрессировали большую часть членов этой партии. После этого коммунисты стали единственной политической властью в стране, и решения Съездов Коммунистической партии стали выше решений судов и законов.

«Дракон» рос весьма быстро и стремительно. И вот какой факт говорит об этом: уже в 1922 году главный карательный орган страны Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) снискала такую ненависть среди населения, что большевикам пришлось изобразить ее закрытие и открыть вместо нее Государственное политическое управление при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР (ГПУ при НКВД РСФСР). И уже через полгода (большевики пошли еще дальше) целая страна из РСФСР переименована в Союз Советских Социалистических Республик (СССР), вследствие чего НКВД РСФСР переименован в НКВД СССР, СНК (Совет народных комиссаров, т.е. правительство) РСФСР – в СНК СССР, а Главное политическое управление (ГПУ) – в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) в подчинении СНК СССР. Тем самым, вероятно, у власти было стремление создать иллюзию того, что

² Есть всюду свет... / Сост. С. С. Виленский. – М.: Возвращение: Музей ГУЛАГа, 2012. – 504 с.

большевистское государство заботится об интересах народа, периодически «наказывая» карателей чекистов, закрывая действующий государственный орган. Однако на самом деле эти меры никак не отражались на работе карательных органов и воспринимались ими как причуды партийного начальства.

Подобный трюк был проделан еще раз И.В. Сталиным в 1934 году, когда он объявил о роспуске ОГПУ, на счету у которой уже были миллионы безвинно сосланных в Сибирь русских мужиков (коллективизация к тому времени уже была полностью проведена во всей стране) и передал ее функции Народному комиссариату внутренних дел, который с 1923 по 1934 гг. выполнял роль обычной полиции, то есть просто следил за порядком. Впоследствии И.В. Сталин так обильно напоил «дракона» кровью массовых репрессий, что сам стал бояться, как бы органы НКВД, в которых работали люди, мало отличающиеся в буквальном смысле от драконов, не сговорились бы и не убили бы его самого. Поэтому 3 февраля 1941 г. Сталин разделил НКВД на два комиссариата – НКВД и НКГБ (Народный комиссариат государственной безопасности – и сделал так, чтобы один комиссариат наблюдал за другим.

Уже через несколько месяцев началась Великая отечественная война, и оба комиссариата пришлось снова соединить в один – в НКВД. Однако уже в апреле 1943 г., когда наступил перелом в войне, генералиссимус Сталин опять разделил НКВД на одноименный орган и НКГБ. Затем, после окончания войны, руководитель нашего государства решил символически показать миру, который устал от войны всех против всех, что Советский Союз отказывается от захватнической идеологии партии большевиков и поддерживаемого ими Третьего Коммунистического интернационала, и переименовал высшие государственные органы страны из *народных комиссариатов* в *министерства*. Таким образом, НКВД и НКГБ обрели новые имена: Министерство внутренних дел (МВД) и Министерство государственной безопасности (МГБ) соответственно.

К тому времени карательные органы выработали изощренную систему наказания неугодных власти людей, которые основывались на следующих принципах:

1) полный запрет свободной предпринимательской деятельности, вплоть до запрета продажи товаров, выращенных на собственных земельных участках;

2) приписывание людям с политическими «проступками» к категории обвиняемых, совершивших уголовные преступления;

3) создание специальной статьи Уголовного кодекса СССР (№ 58), в которую были внесены позиции наказаний за политические преступления.

Ниже в кратком изложении представлена эта статья с опорой на пункты из главы «История нашей канализации» А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Пункт 1. Контрреволюционная деятельность как действие и бездействие, направленные на ослабление власти.

Пункт 2. Попытка отдельных республик выйти из состава СССР.

Пункт 3. Помощь иностранному государству, находящемуся с СССР в состоянии войны.

Пункт 4. Помощь международной буржуазии.

Пункт 5. Склонение иностранного государства к объявлению войны СССР.

Пункт 6. Шпионаж.

Пункт 7. Подрыв позиций в промышленности, транспорта, торговли денежного обращения и кооперации.

Пункт 8. Террор (под термином «террор» А.И. Солженицыным подразумевалось нанесение вреда или убийство члена партии большевиков).

Пункт 9. Диверсия (вред, нанесенный имуществу в «контрреволюционных целях»).

Пункт 10. Пропаганда и агитация, содержащий призыв к свержению советской власти.

Пункт 11. Участие гражданина в незаконной организации.

Пункт 12. Недонесение о деяниях, которые рассматривались в УК.

Пункт 13. Служба в царской охранке.

Пункт 14. «Сознательное неисполнение определенных обязанностей».

(Данный пункт мог трактоваться как дополнение к любому из тринадцати предыдущих пунктов.)

Все это привело к тому, что к 1953 году выросло целое поколение людей, впитавших страх с молоком матери и считавших мораль некой данностью, определяемой сотрудниками органов безопасности. То, что мораль стала относительной, можно судить по тем «делам», которые творил КГБ СССР в последние годы советской власти. Так, к примеру, в конце 1970-ых годов группа диссидентов образовала журнал «Поиск взаимоотношений» (именуемый также как просто «Поиск»), в котором они захотели понять причины экономического, политического и духовного кризиса в СССР. Этот журнал просуществовал всего два года, и затем его члены были арестованы, как люди, клеветавшие на советский режим. На суде над членом редколлегии журнала Виктором Владимировичем Сокирко, моим дедушкой по материнской линии, прокурор прочитал текст вступительной статьи к журналу «Поиск», указав на то, что именно в таких высказываниях, как ниже приведенное, скрыта угроза для советской власти.

«Глядя на собственные наши тупики, вложив перста в наши язвы – кто рискнет сказать с полной уверенностью в правоте: я знаю лечение, я вижу выход? Каждая неувязка в отдельности, каждая несообразность, взятая врозь, кажутся устранимыми – было бы только желание, умение и «соответствующие люди на своих местах»... Но идет время и все ощутимее, заметнее: пропущенные в свое время возможности – самая неподатливая реальность сегодня, как и связь между всеми диспропорциями и напастями, как и отсутствие «соответствующих», и беспомощность тех, кто желает перемен, не ведая, с какого бока за них приниматься, не накликав беды хуже нынешней. Тупики наши оттого и мысленные, оттого и

нравственные – разрывы между поколениями и внутри поколений, которые, похоже, не только не сглаживаются, но делаются все глубже и раздражимей. И вряд ли оттого, что яснее стали ныне ответы, предлагаемые отдельными течениями и людьми. Скорее, наоборот: ожесточенность, вражда от застревания на чем-то первоначально отрицающем. Но даже и тут, в этом необходимо-критическом, клеймящем смысле мы оказались неспособными пробиться вглубь, к «причинам причин», дойти до корней трагедии, образовавшей эпоху, и до природы тупиков, составляющих русскую злободневность, уклад жизни и быт: самое простое и труднее всего выносимое».

В двадцать первом веке советский «дракон» отошёл в прошлое, но общество столкнулось с новой проблемой – психологическим злом. Под этим я подразумеваю размывание понятия психической адекватности, в первую очередь, в молодёжной среде: ослабление значимости общественных нравственных норм и ценностей, распространение телевизионной и компьютерной зависимости, алкоголизма и наркомании, нежелание трудиться на благо общества, отказ от ведения здорового образа жизни (занятий физкультурой, спортом), непонимание смысла своей жизни и т.п. С таким злом не менее тяжело бороться...